

К. О. РОССИЯНОВ

**«НЕВИННОЕ УТЕШЕНИЕ» ИЛИ СЕРЬЕЗНАЯ НАУКА?
ЖИЗНЬ И ТРУДЫ О. А. ФЕДЧЕНКО ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА**

Научные исследования выдающегося русского ботаника Ольги Александровны Федченко (1845–1921) до сих пор не привлекали сколько-нибудь значительного внимания историков – доступные читателю сведения не выходили за рамки кратких статей по большей части справочного характера. О. А. Федченко не только сопровождала своего мужа – знаменитого путешественника и естествоиспытателя Алексея Павловича Федченко (1844–1873) в предпринятой ими совместно Туркестанской экспедиции, издав после его безвременной гибели полное описание собранных в экспедиции коллекций, но и составила себе позднее собственное имя в ботанике, став одной из немногих, наряду с С. В. Ковалевской и О. И. Срезневской, женщин, избранных членами-корреспондентами Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

История научной деятельности Федченко также позволяет по-новому взглянуть на одну из важнейших для современного историка науки проблем – изменение общественных представлений о научных исследованиях как исключительно мужском занятии, в чем сами женщины сыграли, по-видимому, решающую роль, отвоевывая себе место далеко за отводившимися им традиционными культурными стереотипами границами. Активно участвуя в этом процессе в каких-то отношениях постепенного, а в каких-то – резкого и стремительного переструктурирования гендерной карты профессий и занятий, русские женщины во многом опережали своих европейских сестер. Однако при обсуждении этой темы историки науки и высшего образования, как правило, ограничиваются судьбами немногих – таких, как Софья Ковалевская или первая женщина-врач Надежда Сулова. Но даже избрав подобный подход к проблеме, при котором внимание сосредотачивается на выдающихся, пионерских достижениях, приходится признать, что наши знания неполны. Именно в этом убеждает монография О. А. Вальковой¹, открывающая для читателя практически новое имя и основывающаяся на тщательном, редком даже для биографа изучении источников: архивных материалов, печатных трудов Федченко, рецензий на них. Книга состоит из краткого введения, шести глав и заключения, а также включает серию карт, отражающих маршруты экспедиций, как совершенных Федченко совместно с мужем, так и более поздних, сделанных самостоятельно уже после его смерти.

В первой главе, посвященной детству и ранней юности героини, автор подчеркивает влияние на выбор ею жизненного пути семьи и в первую оче-

¹ Валькова О. А. Ольга Александровна Федченко. 1845–1921. М., 2006.

редь отца, профессора-медика, преподававшего в Московском университете, Александра Осиповича Армфельда (1806–1868). Один из немногих русских профессоров, Армфельд выступал за право женщин получать высшее образования наравне с мужчинами. Цитируя архивные материалы, автор останавливается на интереснейшем эпизоде: 23 сентября 1861 г. совет Московского университета получил от министерства народного просвещения запрос о том, «могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций совместно с студентами...» (с. 25). Лишь Армфельд и математик Н. Е. Зернов поддержали эту идею, остальные из 23 присутствовавших на заседании профессоров предложили дожидаться устройства специального высшего учебного заведения для женщин. К сожалению, автор не приводит имен голосовавших, но позиция совета поучительна: мы видим, насколько проблематичны попытки свести сопротивление женскому образованию к мещанским стереотипам, объяснить его исключительно политикой правительства или влиянием церкви.

Впрочем, Армфельд был непосредственно связан и с женским образованием в его традиционной ипостаси, отвечая за организацию учебных курсов в Московском Николаевском сиротском институте – закрытом среднем учебном заведении, готовившем воспитательниц и учительниц. Этот институт в 1864 г. окончила и его дочь Ольга. В институте сформировался ее интерес к ботанике – собранный Ольгой гербарий оказался настолько хорош, что послужил одним из источников для фундаментальной «Московской флоры» Н. Н. Кауфмана. Сравнивая судьбы Федченко и Ковалевской, автор подчеркивает, что ее героине не приходилось преодолевать сопротивление и сталкиваться с предубеждением окружающих, ибо занятия ботаникой, в отличие от математических штудий, не считались несовместимыми с женской природой. Это приводит нас к более общей проблеме гендерных стереотипов в общественном восприятии различных наук. Проблема эта не столь очевидна, как может показаться на первый взгляд, ибо, как полагает ряд современных авторов, вопрос об особом женском подходе к изучению природы имеет право на существование. «Вчувствование» в природу, сотрудничество и сотворчество с нею противопоставляются мужскому конструированию реальности. Но бесспорно, что в ситуации, когда вопрос о «женских чертах» тех или иных наук решался за женщин и без их участия, мы вправе и должны говорить не о женских, а о специфически мужских стереотипах, психологических комплексах и страхах: алгебра плоха, ибо «суха», способна сделать женщин «синими чулками», отвратив от естественного назначения быть женами и матерями, зоология, физиология и анатомия слишком грубы, ботаника же – «невинна».

Любопытно, что эти стереотипы, согласно которым предрасположенность женщин к занятиям ботаникой объяснялась их внутренним родством живому, в особенности мирным, чуждым страстям растениям, долгое время накладывали отпечаток и на само содержание ботанических знаний. Так, уместно напомнить, что существование полового размножения у растений не признавалось учеными на протяжении десятилетий, в частности и потому, что воспринималось как оскорбление чувств занимавшихся ботаникой женщин, отвергаясь тем самым как радикальное и неприемлемое переосмысление самого предмета науки. Возвращаясь к нашей героине, отметим: ее увлечение

ботаникой удачно совпало с общей направленностью программы Николаевского сиротского института, составленной принцем П. Г. Ольденбургским, согласно которой «главная цель воспитания должна быть религиозно-нравственная», а женщина – «создание нежное, назначенное природою быть в зависимости от других». «...из всех естественных наук Ботаника есть та, которая наиболее свойственна для девиц. Они, естественно, должны любить и лелеять то, что необходимо для жизни и, в особенности, при суровости нашего климата в зимнее время, доставляет столь невинное утешение» (с. 21–22). Живо представляешь себе, какую злость вызывало подобное сюсюканье не только у нигилистов, таких, как Базаров или Волохов, но и у всего нового поколения молодых людей, для которых важным было стремление видеть в женщине товарища, которому следует помочь в «развитии», а не навеки несовершенное существо. Именно с такими молодыми людьми Федченко и предстояло познакомиться.

Еще во время учебы в Николаевском сиротском институте она, как отмечает автор во второй главе книги, присоединилась к группе студентов и недавних выпускников Московского университета, сложившейся вокруг университетского Зоологического музея. Это был, по словам автора, «неформальный кружок А. П. Богданова – прообраз будущего Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (с. 29). Неслучайно, что после официального создания общества в 1864 г. Федченко становится одним из его членов-основателей – явление беспрецедентное, ибо, как полагает «с большой долей вероятности» автор, русские женщины не числились до этого среди полноправных, ведущих исследовательскую работу членов естественно-научных обществ. Уже в начале 1860-х гг. Федченко занималась совместно со своими новыми знакомыми переводами трудов по естествознанию, помогала проводить исследования по антропологии и зоологии, участвовала в расстановке коллекций в Зоологическом институте.

Одним из этих новых знакомых и стал ее будущий муж и спутник в проделанной ими совместно Туркестанской экспедиции А. П. Федченко. Как отмечает автор, начало экспедиции положило посещение губернатором Туркестанского края К. П. фон Кауфманом организованной в 1867 г. Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) Этнографической выставки: именно тогда была достигнута договоренность о командировании обществом одного из сотрудников, которым и стал А. П. Федченко, для естественно-научного изучения края. В Среднюю Азию О. А. Федченко отправилась вместе с мужем вскоре после свадьбы, взяв на себя описание местной флоры, а также деликатную этнографическую миссию – посещение женской половины мусульманских домов. Во многих местах супруги Федченко были первыми европейцами, в ходе путешествия ими был открыт и нанесен на карту Заалайский хребет, хотя обследовать Памир детально они не смогли. По завершении экспедиции собранные коллекции легли в основу Туркестанского отдела еще одной выставки – Политехнической, организованной в Москве в 1872 г. В следующем году происходит важнейшее, трагическое событие: А. П. Федченко, задумавший изучение памирских ледников, гибнет во время ознакомительной поездки в швейцарские Альпы.

На долгое время, как отмечает автор, основным занятием О. А. Федченко становится разбор собранных в Средней Азии коллекций и материалов и издание задуманного ее мужем полного описания края, его флоры, фауны и населения – работа эта подробно освещается в третьей главе монографии. Коллекции, включая собранный самой Федченко и содержавший 226 новых видов гербарий, были розданы для описания видным ученым, в том числе иностранным. А публикация основного труда – «Путешествия в Туркестан А. П. Федченко» – заняла много лет: как отмечает Валькова, основные работы по изданию завершились в 1888 г., однако последний из выпусков «Путешествия» увидел свет лишь в 1902 г. Столь долгий срок объяснялся, во-первых, тем, что издание включало в себя описание как новых, так и уже известных видов: «Путешествие» задумывалось не только как научный труд, но и должно было стать доступным руководством-определителем местных животных и растений для «каждого желающего из русских». Во-вторых, вопреки возражениям Академии наук и Московского общества испытателей природы все описание животных и растений давались на русском языке, а это означало, что те из них, которые были сделаны иностранными учеными, следовало еще и перевести. Как отмечает автор, решение опубликовать описания по-русски стало результатом сознательного выбора: пункт о развитии русского научного языка входил в устав ОЛЕАЭ.

В то же время следует отметить, что ориентируясь на русскую аудиторию, в том числе «простую», не знающую языков, издатели сознательно решили пожертвовать значительной частью аудитории научной. «...чем же мы виноваты, – с каким-то даже вызовом и оттенком обиды (об этом хотелось бы, конечно, услышать побольше!) писал А. П. Федченко незадолго до гибели, – что они (ученые немецкие) не учатся читать по-русски, вот военные их ведь учатся русскому языку. Значит, он доступен для немецкого мозга» (с. 75). Сама же проблема двуязычия в русской научной литературе, пионером изучения которой является автор, представляется одной из интереснейших для историка отечественной науки.

Частный, казалось бы, вопрос об использовании русского языка для описания научных коллекций заставляет задуматься не только над общей проблемой «русификации» академической среды, но и над темой науки и империи. Примечательна готовность ОЛЕАЭ – молодого, сочувствующего прогрессу научного общества – поставить себя на службу колониальным проектам. Сравнение с Европой и европейскими колониями – первое, что приходит на ум: успехи просвещения давали, казалось, право на опеку над народами колоний, на практике превращавшуюся в вечную. А это ведь именно то, что новое поколение образованных русских категорически не устраивало в отношении общества к женщине!

Можно предположить, что участие в колониальных проектах объяснялось тягой прогрессивно настроенных молодых людей к активной деятельности вообще – на дальних окраинах государства они, так же как европейцы в колониях, могли реализовать свои идеи свободнее и полнее, к тому же без подозрений начальства и полицейского надзора. Это, конечно, не исключало рефлексии собственной деятельности – успехи освоения Востока могли сознаваться не просто как миссия России, что было скорее характерно для

почвенников, таких, как Ф. М. Достоевский, но и давать надежду на то, что цивилизаторские усилия в Азии каким-то образом подтолкнут общественный прогресс в самой России. Тем более что в силу континентального характера империи того резкого различия, какое существовало между европейскими метрополиями и заморскими колониями, здесь по сути дела не было, как не было и водораздела между расами. Так что, возможно, вечная опека азиатским народам не грозила, но это же ставит перед нами вопрос об их возможной русификации и культурном поглощении, заставляя задуматься о собственно этнографической программе ОЛЕАЭ, о которой автор практически ничего не пишет.

Проблема отсталости – огромного разрыва между образованными классами и народом – была, как известно, центральной для самосознания интеллигенции, понимания ею собственной роли и идентичности. В этих условиях идея антропологического изучения неевропейских рас и народов являлась, по мнению М. Могильнер, автора книги об истории русской антропологии², важной частью «прогрессивного дискурса» – научное знание противопоставлялось предрассудкам и отсталости. И все-таки вопрос остается: почему тема империи оказалась важной не только для «империалистов», замороженных мощью и величием государства, но и для «прогрессистов» – братьев и сестер нигилистов?

Отдельный раздел все той же третьей главы, почти в два раза превышающей по объему все остальные, как раз и посвящен сестре Федченко – Наталье Армфельд, если не нигилистке, то активной деятельнице революционного движения немного более позднего, чем нигилизм, периода – времени «хождения в народ». Ее судьба почти не привлекала внимания историков и, надо отдать должное автору, описание жизни Н. А. Армфельд читается почти как роман. Войдя в 1869 г. в коммуну русских студенток в Гейдельбергском университете, включавшей также С. В. Ковалевскую, А. В. Корвин-Круковскую, Ю. В. Лермонтову и А. М. Евреинову, Армфельд выбрала в дальнейшем не научную стезю, а иной путь: чтение и распространение нелегальной литературы, жизнь среди простого народа. Все это навлекло на нее преследования, аресты и, наконец, в 1879 г. осуждение на каторжные работы. После приговора Анна Васильевна Армфельд, мать Натальи и Ольги, купила за огромную сумму примыкавший к Бутырской тюрьме участок земли (умерший к этому времени А. О. Армфельд был состоятельным человеком!) и с помощью друзей начала рыть подкоп. Согласно вышедшим в начале XX в. воспоминаниям одного из участников предприятия, землекопы успели пройти едва ли половину пути, когда Н. А. Армфельд была отправлена в Сибирь. В дальнейшем ей предстояло долгое пребывание в Карийской тюрьме, жизнь без книг и письменных принадлежностей, и лишь устроенный на тюремном дворе чахлый огород доставлял Н. А. Армфельд столь необходимое «утешение», как будто в полном соответствии с теориями П. Г. Ольденбургского. За тюрьмой последовала ссылка, рождение дочери, смерть от туберкулеза... Хотя автор и пишет о противозаконной (без кавычек!) деятельности Армфельд (с. 139), чудовищный приговор – 14 лет каторжных работ – был вынесен, в сущности, «ни за

² Могильнер М. *Ното imperii. История физической антропологии в России*. М., 2008.

что»: никаких насильственных действий ей не инкриминировалось. Впрочем, автор не утаивает от читателя и мнения Л. Н. Толстого, знавшего и любившего семью Армфельдов, хлопотавшего об улучшении участи осужденной и писавшего о ней и ее друзьях: «Нельзя запрещать людям высказывать друг другу свои мысли о том, как лучше устроиться. А это одно, до бомб, делали наши революционеры» (с. 164).

Как можно судить ознакомившись с четвертой главой, посвященной научным исследованиям О. А. Федченко, ее сестра интересна автору еще и потому, что позволяет оттенить главное, представляющееся самым важным в судьбе героини книги. В жизни ее можно увидеть сознательное избегание ненужных конфликтов, нежелание устраивать «бунт» против общества и его условностей, стремление к мирной «созидательной» деятельности. И в этом автор усматривает, похоже, сознательный выбор самой Федченко. Но в то же время здесь трудно отделаться от ощущения вынужденности. Воспитание родившегося незадолго до гибели А. П. Федченко сына Бориса, выполнение долга перед покойным мужем – издание трудов экспедиции – диктовали, как говорится, свои условия. Автор отмечает, что, реши О. А. Федченко получить высшее образование, ей пришлось бы, скорее всего, делать это за границей, ведь Высшие женские курсы возникли относительно поздно. И это не только трудно представимо в конкретной жизненной ситуации Федченко, но и означало бы, как пишет автор, основываясь на опыте других русских женщин, многолетнюю борьбу за признание заграничного диплома в России. Героиня Вальковой избрала по сути путь самообразования, долгого ученичества, не только тратя силы на издательский труд, но и помогая разбору чужих ботанических коллекций, отдавая собранные ею гербарии для публикации другим, профессиональным ботаникам. Лишь во второй половине жизни совершается поворот – приближаясь к пятидесятилетию, Федченко начинает систематически публиковаться в научной печати под собственным именем. Какой контраст с судьбой Софьи Ковалевской, опубликовавшей все работы до сорока одного года – возраста преждевременной смерти!

В этом и можно увидеть основное противоречие, если угодно, контрапункт, творческой судьбы Федченко. Казалось бы, история выдающегося ученого-женщины должна предстать как разрыв с господствовавшим нарративом, лишавшим женщину собственного места в науке, хотя и признававшим за ней высокую миссию вдохновительницы и доброго ангела мужчины-ученого, а также – подсобную роль помощницы, лаборантки, спутницы, сиделки, собеседницы туземных женщин, иллюстратора, комментатора... Однако Федченко берет на себя и такую, второстепенную роль, делая это если не полностью добровольно, то, во всяком случае, не ропща и не протестуя. Но в связи с этим возникает вопрос: а можно ли вообще связывать ее судьбу с борьбой за равноправие женщин, в том числе за равноправие в науке? Она ведь полностью приняла все условия, ставившиеся жизнью, а по сути дела – мужчинами: не получила систематического образования, чрезвычайно поздно стала самостоятельным исследователем, первые ее статьи не были свободны от ошибок и неточностей – следствие, по-видимому, не пройденных вовремя университетских курсов. Наконец, Федченко никогда не занимала какой бы то ни было постоянной должности и не получала за свои исследования жалованья.

И дело здесь не в том, что без борьбы можно было достигнуть большего – получить возможность научной работы. А в том, что женская судьба предстает лишь как некий преодолеваемый недостаток, препятствие на пути к научной деятельности. По сути Федченко всерьез вступает в науку лишь тогда, когда становится «одной из них» – мужчин-исследователей; после того как выполнит долг жены и матери, трудно совместимый в тех исторических обстоятельствах с карьерой ученого. Как тут не вспомнить оскорбительные замечания великого биолога И. И. Мечникова, открыто утверждавшего, что способность к научным занятиям – вторичный половой признак мужчины, как борода или усы, и что поэтому женщина может успешно заниматься наукой, лишь перестав – в прямом, «биологическом» смысле, подобно рабочей пчеле, – быть женщиной! Вопрос о влиянии гендерных предрассудков на сами научные представления, а также о действительно женском (мыслимом, по крайней мере!) вкладе в науку не может в такой ситуации даже и возникнуть.

В одном, пожалуй, отношении женская и материнская роль находят воплощение в научной деятельности героини: Федченко не расстается с выросшим сыном, совершая с ним ряд важных ботанических экспедиций. Эти экспедиции становятся основной темой следующей, пятой, главы монографии. На протяжении почти 30 лет Федченко не оставляла мечты вернуться на Памир, тем более что его ботаническим изучением стали в это время заниматься и другие исследователи, в частности, выдающийся ботаник С. И. Коржинский. Результатом состоявшейся наконец-то в 1901 г. экспедиции О. А. и Б. А. Федченко становится фундаментальный труд «Флора Памира» (1903), появившийся в то же время, что и ряд других «флор», когда русские ботаники и фитогеографы начали систематически осваивать (опять-таки в тесной связи с расширением государства) новые крупные регионы: Манчжурию, Корею, Тянь-Шань. Памирская и другие экспедиции повлияли, по-видимому, на судьбу Б. А. Федченко, ставшего в дальнейшем известным путешественником и ботаником, профессором Ленинградского университета.

Шестая глава близка по характеру описываемых в ней событий к классической биографии ученого. О. А. Федченко продолжает работать по флоре Туркестана, сотрудничая с Петербургским ботаническим садом и приводя в порядок его коллекции. Однако – и в этом можно увидеть отголосок прошлого, когда Федченко воспринимали скорее как ученого-любителя, а не профессионала, – она так и не стала сотрудницей сада, хотя фактически, настаивает автор, Федченко ею, несомненно, была. Основным предметом ее ботанических исследований становятся в 1890-е гг. эремурусы – представители семейства асфоделовых (согласно иной классификационной схеме, лилейных) – экзотические для средней полосы цветы, которые только в 1874 г. начали выращивать за пределами их родины – Памира и Тянь-Шаня. В 1909 г. выходит в свет фундаментальный труд «Критическое описание рода Эремурус» – вершинное, пожалуй, достижение Федченко – профессионального ботаника. Книга была опубликована в издании Академии наук по-немецки, получила широкий отклик в мировой научной печати и в 1968 г. была репринтно переиздана в Америке, но... так никогда и не вышла по-русски – ирония судьбы, учитывая, что первые шаги Федченко в науке были как раз и связаны с «утверждением в правах» русского научного языка.

Краткое заключение, подводящее итоги жизни и исследований героини книги, заставляет задуматься о природе тех постепенных изменений, которые позволили женщинам претендовать на роль исследователя, пусть даже конкретный их вклад в науку был скромным и остался «невидимым» для историка. Если оставить в стороне силу морального примера для самих женщин, то каким образом научные успехи выдающихся ученых-женщин помогали расширить «женское присутствие» в науке?

Это, в свою очередь, приводит нас к вопросу об историческом методе: в какой степени готовы мы отказаться от своего рода героического нарратива – изображения ученых как выдающихся одиночек? Сделать это тем более трудно, что с этим нарративом во многом связана сама привлекательность истории науки для широкой аудитории. В рамках подобного «героического» подхода возможны два дихотомически противоположных отношения к истории женщин в науке. С одной стороны, история эта предстает как часть борьбы за равноправие женщин, причем равноправие в науке мешают не только мешанские стереотипы и очевидные социальные препятствия, но и позиция значительной части научного сообщества, что заставляет нас ощутить в полной мере значение подвига. С другой – скромное и в то же время героическое служение науке выглядит настолько захватывающим, что гендерные, так же как национальные, партийные и любые другие различия отступают не просто на задний план, но становятся едва ли заметными. Пожалуй, Федченко предстает скорее как скромный труженик, чем как борец, тогда как ситуация других женщин-ученых могла быть абсолютно иной. Но, акцентируя «борьбу за права» или «смирненное служение» как проблему индивидуального жизненного выбора, мы рискуем просмотреть иное измерение: борьба и смирение предстают как различные стратегии для достижения одной социальной цели – постепенного отвоевывания пространства, изначально бывшего безраздельно мужским.

В целом исследование Вальковой отличает поразительная даже для биографа полнота и дотошность: прослеживается судьба не только самой героини, но и всех так или иначе соприкасавшихся с нею; анализируются не только печатные труды, но и рецензии на них. И недостатки здесь лишь продолжение достоинств – так, сравнение с судьбами других женщин, получивших высшее образование и пытавшихся заниматься научными исследованиями, проводится, на наш взгляд, робко и непоследовательно. При этом безусловным достоинством книги является и сочувственное, во многом личное отношение к героине. Эта особая целостность подхода сочетается с характерной для российских исторических сочинений традицией – относиться к архивам не только как к источнику исторических сведений, но и как к месту встречи с участниками важных и увлекательных событий. И это ведь живые люди, а не предмет одного только «изучения»: нигилисты, «отцы и дети», феминистки, роющие подкопы матери, генералы – покорители Туркестанского края, профессора, создатели и посетители выставок, читатели журналов, члены добровольных научных обществ, борющиеся за права русского языка издатели... Если им и суждено встретиться вновь, то не в трудах по истории тех или иных отраслей науки, профессий и занятий с их незримыми, но ощутимыми дисциплинарными перегородками, а, пожалуй, лишь на страницах романов или – сочинений биографического жанра, таких, как книга О. А. Вальковой.